

ТАЙНА «ТЛЕТВОРНОГО ДУХА» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

А.А. Михайлова

*Кафедра «Русская филология», ГОУ ВПО «ТГТУ»;
ООО «Тамбовский курьер»; Aleksandra_tmb@mail.ru*

Представлена членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым

Ключевые слова и фразы: праведность; смердение; смерть; старчество; тление.

Аннотация: Рассматриваются различные трактовки литературоведами смысла появления «тлетворного духа» от тела праведника старца Зосимы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Делается попытка выделить интерпретации, наиболее соответствующие замыслу писателя и на этой основе выстроить объективное толкование данного явления.

Вершина творчества Достоевского – роман «Братья Карамазовы» – ставит перед читателем множество проблем, часто неоднозначных, решение которых зависит от жизненной позиции героя или читателя. И все они, так или иначе, имеют отношение к духовно-нравственным и христианским ценностям. Одно из видных мест в проблематике «Братьев Карамазовых» занимает идея праведничества, воплощающаяся в образе старца Зосимы. У Достоевского она тоже оказывается неоднозначной. Старец Зосима считается в литературоведении «спорным мудрецом». И часто камнем преткновения выступают даже не его взгляды и поучения, а великая загадка – появление «тлетворного духа» от тела умершего праведника. Представим объективное толкование данного эпизода.

Это явление произвело огромный резонанс в обществе персонажей романа. Одни видели торжество праведного Божьего суда: «Знать, суд-то Божий не то, что человеческий!» [1, 9] – и начинали искать «изъяны» в поучениях старца; другие пытались вразумить первых. Алеша Карамазов был, пожалуй, единственным, кто растерялся и смутился, не в силах объяснить эту «несправедливость». В этом эпизоде как раз налицо проявление той самой полифонии полноценных голосов, «равноправных сознаний с их мирами» [2, 8], о которой говорил М. Бахтин.

Литературоведы, пишущие об отце Зосиме как о положительном образе православного старца, зачастую обходят проблему «тлетворного духа» стороной. Действительно, сложно объяснить смысл смердения тела праведника. Безусловно, на этом явлении Достоевский останавливается не случайно.

В современной литературоведческой науке даются неоднозначные ответы на вопрос: почему Достоевский ввел в роман рассказ об этом событии? Мнения исследователей о феномене «тлетворного духа» в романе разделяются, порой возникают совершенно противоположные оценки.

В своем труде «Православие и русская литература» М.М. Дунаев называет прием, к которому прибегает Достоевский, «ложной компрометацией авторитет-

ности старца Зосимы»: «Святость старца ставится как бы под сомнение – и распознавание искушающей ложности такого сомнения возлагается на персонажей произведения, равно как и на читателя. Тут действует своего рода «доказательство от обратного»: разоблачение лжи служит укреплению утверждаемого воззрения на то или иное явление – в данном случае на духовную сущность старца» [3, с. 672–673]. Далее исследователь высказывает другую мысль: «Гление мертвого тела старца (весьма естественное в летнюю жару), отсутствиежданного чуда становится искусительным испытанием – и для Алеши в первую очередь...» [3, с. 673]. Ученый даже считает этот пункт кульминацией романа, поскольку «страшные вопросы обрушиваются на человека»; «трепещет сердце, соблазненное бесом» [3, с. 675].

Думается, подобный вывод сделан в верном направлении, но в тексте можно найти и другие скрытые элементы, указывающие на задуманный Достоевским смысл данного явления и его роль в романе.

В статье «Отчего «протух» старец Зосима» С. Абрамович пытается доказать, что «старец «протух» отнюдь не случайно», и эту «катастрофу» Достоевский предвещает «развернутой системой почти неуловимых сигналов» [4]. В числе этих сигналов автор называет первое впечатление от портрета отца Зосимы; дисгармонию в убранстве кельи старца; светскость старца в обращении с народом и скрытое к нему равнодушие; а также конфликтность в самой монастырской среде в связи с распространением старчества.

«...Апофеоз Зосимы, – пишет С. Абрамович, – должен выразиться, согласно церковным канонам, в первую очередь, в нетленности тела» [4]. «Нет, – делает вывод исследователь, – старец, видимо, «протух» неспроста. И смрад его трупа странно корреспондируется с именем такой «мертвой души», как скрытый манипулятор братьями своими Смердяков...» [4].

С этим мнением невозможно согласиться. Достоевский, может, и не совсем убедительно, как считают некоторые ученые, но выразил свое понимание праведности и святости в образе старца Зосимы. Те самые детали, на которые ссылается С. Абрамович, могут быть рассмотрены и в другом ракурсе. Например, портрет старца дан преломленным через восприятие раздраженного Миусова, входящего в монастырь со светским предубеждением: «...веками лишь выработанная наружность, а в сущности шарлатанство и вздор» [5, с. 37]. Церковного канона об обязательном отсутствии запаха от тела усопшего, о котором говорит исследователь, нет, о чем упоминается и в романе: «... не догмат же какой в православии сия необходимость нетления телес праведников, а лишь мнение...» [1, 9]. Да и сам исследователь, несмотря на употребление грубых слов по отношению к герою романа – «протух», «смрад трупа», не высказывает окончательного приговора, используя фразу с выражением неуверенности: «старец, видимо, «протух» неспроста».

В известной монографии «Поэтика романа «Братья Карамазовы» В.Е. Ветловская определяет свою позицию по проблеме «тлетворного духа» следующим образом: «Вместо славы и торжества усопшего праведника, исключительно им любимого, Алеша увидел, как этот праведник «низвержен и опозорен...», Алеша невольно забывает, что старец его вполне принадлежит «грешному» и «смрадному» миру, а потому вместе со всеми несет вину за его безобразие. По логике повествования выходит, что старец даже в большей степени, чем другие, несет на себе эту вину: «...отпуская чужие грехи, он принимает их в свою душу и, следовательно, за них отвечает, ибо только при таком условии он, по-видимому, и имеет право прощать других» [6, с. 179–180].

Такое объяснение вряд ли возможно. Да, физиологически старец такой же человек, и природные качества тела неотвратимо проявляются. Безусловно, старец несет ответственность за своих духовных чад, за то, как он их вел по жизненному пути, но грехи учеников на него не переходят, человек отвечает перед Богом только за свои деяния. В таинстве исповеди священник выступает как «свидетель покаяния» [7].

Очень интересную версию высказывает С.М. Климова в статье «Агиографические элементы романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Тлетворный дух» – это не синоним запаха, который есть лишь природное качество мертвого тела. «Тлетворный дух», духовное смердение исходило от живых. Отождествив мертвое тело старца с его бессмертным духом, они мгновенно отказались от идеала – сверхъестественного мира святости, признав праведника грешником. И разлилось вокруг мертвого тела живое зловоние – зложелательство окружающих ... «Разочаровал» их Зосима, не дал умилиться и поиграть в веру, которой у них никогда не было...

Достоевский употребил многозначительное слово «дух» для того, чтобы указать не столько на запах, но, прежде всего, на существо той «духовности», которую явили собой живые участники важнейшего события в жизни православного человека – смерти» [8, с. 163].

Кроме того, С.М. Климова придает важное значение смерти старца как вехе в жизни главного героя: «Происшествие с телом Зосимы стало важнейшим катализатором в формировании и укреплении души и разума Алеши. И в этом смысле его смерть можно назвать важнейшим символическим явлением и чудом рождения веры» [8, с. 163]. Таким образом, в этом русле можно заметить еще и переключку с эпиграфом романа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [9]. То есть по смерти старца Зосимы появляется некий плод его духовного водительства: зарождение настоящей, крепкой веры в его любимом ученике и, возможно, последователе. Верно замечание автора работы [8] о том, что общество не выдержало испытания. Более того, это испытание толпа устроила себе сама: слишком напряженное ожидание чудес царило в атмосфере городка, слишком сильное внимание было приковано к монастырю, чаще не с благочестивыми целями.

В статье «Серафический старец в «Братьях Карамазовых»: проблемные аспекты», как бы обобщая вышеприведенные мнения, В.Н. Сузи пишет: «Испытуя старца, он [Достоевский – А.М.] не боится свести его во тьму, зная, что «Свет во тьме светит...», а страх за Свет говорит о маловерии...» [10, с. 445].

Однако литературоведы упускают из виду еще один немаловажный факт. В разговоре с Иваном бес намекает: «Он [Алеша – А.М.] милый; я пред ним за старца Зосиму виноват» [5, с. 326]. Об этом упоминает в своей книге А.Е. Кунильский. Еще он приводит высказывание беса из подготовительных материалов к роману: «Я тут постарался, таких духов нанес. Барыни-кокетки наиболее воняют в могилах. Я у каждой взял по букету» [11, с. 174]. Тем не менее, обратимся к окончательному тексту: в чем может быть виноват бес перед Алешей за старца? Возможно, тем, что, по замыслу автора, нечистый наполнил комнату, где лежало тело усопшего, смрадным запахом, или же виноват за возбуждение, раздражение, произведенные им в обществе и в душе Алеши.

Напоминает А.Е. Кунильский еще «...о связи мудрецов Достоевского с образом Христа. Ведь именно этому евангельскому персонажу пришлось перенести глумление толпы во всей его тяжести» [11, с. 174]. Таким образом, старец Зосима, хотя бы и после смерти, претерпевает спасительные страдания, которые разделяет с ним и Алеша.

Следует отметить, что в православной традиции запах и тление тела усопшего не являются показателем праведности/неправедности. Это процесс естественный. Свидетельство же того, что Бог прославил подвижника, – желтый цвет костей, об этом же говорится и на страницах романа: «...на Афоне например, духом тлетворным не столь смущаются, и не нетление телесное считается там главным признаком прославления спасенных, а цвет костей их, когда тела их полежат уже многие годы в земле и даже истлеют в ней...» [1, 9].

В свете восприятия верующего человека это событие может быть попущением Божиим для временного избежания славы земной и будущего прославления старца, а также для вразумления или даже наказания ожидающей необыкновенного зрелища толпы. Здесь даже можно заметить параллель с евангельским текстом: «...род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему...» [12]. Похристиански окружающим следовало подумать о душе усопшего и помолиться о вселении ее в небесных обителях. И здесь Достоевский обличает эту привязанность к земному и непамятование о небесном.

Однако вся трактовка может быть сделана непосредственно через текст: это пояснения монахов – друзей старца (они приводились выше) и открытое отношение повествователя к описываемому им явлению. Рассказчик предупреждает: «...мне почти противно вспоминать об этом суетном и соблазнительном событии, в сущности же самом пустом и естественном, и я, конечно, выпустил бы его в рассказе моем вовсе без упоминования, если бы не повлияло оно сильнейшим и известным образом на душу и сердце... Алеши...» [1, с. 6]. Объясняя причины, повлекшие столь сильное брожение в обществе, повествователь пишет: «...полагаю, что тут одновременно сошлось и много другого, много разных причин, заодно повлиявших. Из таковых, например, была даже самая эта закоренелая вражда к старчеству ... зависть к святости усопшего...» [1, с. 7–8]. Да и сам старец Зосима говорил: «...любит человек падение праведного и позор его» [5, с. 327]. К тому же в речи рассказчика нет грубых слов по отношению к описываемому событию, такие выражения, как «пропах», «провонял», появляются в речи несимпатичных героев (Ракитина, отца Ферапонта).

Свою же позицию Ф.М. Достоевский открыто высказывает в письме к Н.А. Любимову: «...не подумайте, ради Бога, что я бы мог себе позволить, в сочинении моем, хотя малейшее сомнение в чудедействии мощей. Дело идет лишь о мощах умершего монаха Зосимы, а уж это совсем другое. – Подобный переполох, какой изображен у меня в монастыре, был раз на Афоне и рассказан вкратце и с трогательною наивностью в «*Странствовании Инока Парфения*» [13, с. 126]. Под «совсем другим» Достоевский подразумевал нужность этого события для достижения художественных целей. Тело же старца он называет мощами, то есть для автора старец все-таки является праведником.

В результате обзора различных точек зрения можно сделать вывод: смердение тела – явление естественное, а соблазн и переполох, случившиеся в городке, служат, прежде всего, показателем «шатости» веры персонажей. В романе же напряженная ситуация все-таки разрешается в положительную сторону: в итоге праведник торжествует. Читатель через сон Алеши видит старца Зосиму в Кане Галилейской веселящимся на пиру у Господа – и это становится как бы выражением объективной истины.

Таким образом, старец как при жизни, так и после смерти, является неким индикатором, высветляющим духовно-нравственное состояние общества. Относительно этого добродетельного человека сразу же обнаруживается сущность пересекающихся с ним персонажей: либо это крепкая вера в Бога и доверие старцу, либо колебания, либо откровенное противление и безбожие. Все эти разнообразные позиции занимают герои романа и по ним ищут себе пути в жизни. Опыт старца указывает иной, имеющий цель и наполненный смыслом путь, но идти по нему, как видно из романа, решаются немногие.

Список литературы

1. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы. В 2 т. Т. 2 / Ф.М. Достоевский. – М. : Сов. Россия, 1987. – 480 с.
2. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972. – 472 с.
3. Дунаев, М.М. Православие и русская литература. В 6 ч. Ч. 3 / М.М. Дунаев. – М. : Храм Святой мученицы Татианы при Моск. гос. ун-те, 2002. – 768 с.
4. Абрамович, С. Отчего «протух» старец Зосима? [Электронный ресурс] / С. Абрамович // VIII Междунар. форум русистов Украины «Проблемы развития русистики как полиаспектной науки в эпоху мировой глобализации», 2008. – Режим доступа : <http://www.embrus.org.ua>. – Загл. с экрана.
5. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы: В 2 т. Т. 1 / Ф.М. Достоевский. – М. : Сов. Россия, 1987. – 352 с.
6. Ветловская, В.Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы» / В.Е. Ветловская. – Л. : Наука, 1977. – 200 с.
7. Роль священника в Таинстве Покаяния [Электронный ресурс] / Храм Святой Троицы в Хохлах, 2008. – Режим доступа : <http://www.trinity-church.ru/nast/obisrov.html#04>. – Загл. с экрана.
8. Климова, С.М. Агиографические элементы романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» / С.М. Климова // Человек. – 2002. – № 6. – С. 157–165.
9. Евангелие от Иоанна : Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2003. – 559 с.
10. Сузи, В.Н. Серафический старец в «Братьях Карамазовых»: проблемные аспекты / В.Н. Сузи // Евангельский тест в русской литературе XVIII–XIX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научных трудов. Вып. 5. – Петрозаводск : Изд-во Петрзавод. гос. ун-та. – 2008. – С. 437–447.
11. Кунильский, А.Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М. Достоевского / А.Е. Кунильский. – Петрозаводск : Изд-во Петрзавод. гос. ун-та, 2006. – 304 с.
12. Евангелие от Луки : Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2003. – 559 с.
13. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Кн. 1 / Ф.М. Достоевский. – Л. : Наука, 1988. – 456 с.

The Mystery of “Pernicious Spirit” in the Novel of F.M. Dostoevsky “Brothers Karamazovs”

A.A. Mikhailova

*Department of “Russian Philology”, TSTU;
ООО Тамбов Courier; Aleksandra_tmb@mail.ru*

Key words and phrases: righteousness; stench; death; eldership, smoldering.

Abstract: The paper considers different interpretations in literature of the fact of the “pernicious spirit’s” appearance of the body of the righteous old man Zosima in the novel of F.M. Dostoevsky “The Brothers Karamazovs”. An attempt to highlight the ones which are most appropriate to the idea of the author and on to build an objective interpretation of this phenomenon is made.

Geheimnis “des verderblichen Geistes” im Roman von F.M.Dostojewskij “Brüder Karamasows”

Zusammenfassung: Im Artikel werden die verschiedenen Deutungen von den Literaturwissenschaftlern des Sinnes der Erscheinung “des verderblichen Geistes” vom Körper des heiligen Greises Zosima im Roman von F.M.Dostojewskij “Brüder Karamasows” betrachtet. Es wird einen Versuch gemacht, auf diesen Grund die objektive Deutung dieser Erscheinung zu bauen.

Le mystère de «l'esprit nuisible» dans le roman de F.M. Dostoewski «Les frères Karamazov»

Résumé: Dans l'article sont examinées de différentes interprétations du sens de l'apparition de «l'esprit nuisible» du corps d'un homme juste, le vieillard Zosima, dans le roman de F.M. Dostoewski «Les frères Karamazov» par les littéraires. Est réalisée une tentative de trouver les interprétations les plus proches à la conception de l'auteur et de construire à la base de celle-ci la plus objective interprétation de ce phénomène.

Автор: *Михайлова Александра Анатольевна* – соискатель кафедры «Русская филология», ГОУ ВПО «ТГТУ», корректор ООО «Тамбовский курьер», г. Тамбов.

Рецензент: *Попова Ирина Михайловна* – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русская филология», ГОУ ВПО «ТГТУ».
